

Чудовище Фрегенштейна и разрушители мифов

Статья Евгения Логинова

Иллюстрация Анны Давыдовой

Сначала я хотел написать небольшой комментарий к статье Андрея Мерцалова «Все наоборот», опубликованной в прошлом номере ФК. Но чем больше я думал над изложенными там идеями, тем большей симпатией проникался к этому «мясистому» (по выражению Артема Юнусова) тексту, и комментарий разросся. В конце концов, «в философии кто-то не прав», а это нестерпимо.

Итоги обсуждения

Мы, кажется, сошлись на том, что теория Андрея может быть представлена следующим образом. Эта теория (назовем ее «Б-теория», так как Андрей иллюстрировал ее сценкой в ирландском баре) носит критический характер и направлена против всех существующих теорий значения. Все эти теории, полагает Андрей, сходятся в том, что значением знака они считают некую вещь, а смыслом — то, что об этой вещи думают. Они не правы, так как (1) таким образом нельзя объяснить происхождение языка; (2) никогда нельзя быть уверенным, какой именно объект является значением некоего слова; (3) сами знаки не могут переносить никакую информацию; (4) такое понимание значения мешает развитию науки.

Позитивная часть теории Андрея может быть представлена так. Чтобы появилось значение некоторого знака, этот знак должен быть произведен рациональным субъектом и быть воспринят другим рациональным субъектом. Значением называется предмет мысли («то, что»), которая посредством уже имеющихся ассоциативных связей возникает у реципиента в качестве реакции на знак. Раци-

ональным агентом мы называем такого агента, который способен к продуктивному воображению. Под продуктивным воображением, в противоположность репродуктивному, понимается активная способность агента создавать новые предметы мысли, новым образом связывать знаки и их значения. Мысль, которая в момент производства знака есть в голове отправителя, можно назвать интенцией.

Еще Андрей особым образом обсуждает смысл («то, как»), определяя его как мысль реципиента, взятую в ее отношении к совершаемому им действию. Проиллюстрируем это так. А говорит В: «яблоко». У А в голове есть интенция, т.е. некая мысль. В ответ на знак-стимул в голове у В посредством ассоциативных и условно-рефлекторных связей возникает мысль, предмет которой («то, о чем», интенциональный предмет) называется значением. В дает А яблоко — и это мы называем выражением смысла той мысли, которая возникла у В. Сам смысл является мыслью В в отношении этого действия. Если же отсутствует рациональный отправитель, то ситуация не называется коммуникативной или языковой, но значение и даже смысл все еще в ней присутствуют (но не языковые, а какие — Андрей не поясняет).

В результате многочасовых обсуждений, мы пришли к выводу, что такая теория выглядит странной, но рабочей. Непросто понять, какие интуиции стоят за ней и, главное, как используется в ней терминология, но это — рабочая теория, а образующие ее аргументы можно обсуждать. Однако «рабочей» мы признали только позитивную часть теории. Определить, что именно Андрей опровергает, и доказать, что ему действительно удалось это опровергнуть — очень непросто. Прежде всего, не ясно, кто, собственно, стал мишенью его критики. Поэтому мы решили, что будем говорить о докторе Фрегенштейне и его

теории-монстре, составленной из фрагментов различных теорий. Ниже я буду называть этого монстра «Ф-теория». Тогда то, что Б-теоретик называет «предмет мысли», или «значение», в «Ф-теории» носит имя «смысл», а имеющаяся у рационального субъекта условно-рефлекторная (или ассоциативная) связь между знаком (например, словом) и какой-то реальностью вне этого знака похоже на «значение» Ф-теории, только Б-теоретик обращает внимание на процесс означивания, а Фрегенштейн — на само значение. Андрей не согласился с таким сравнением, но и не дал нам достаточного повода изменить свое мнение. А мы не смогли убедить его в своей правоте.

Разрушители мифов

Около четырех лет назад Андрей был столь добр, что познакомил меня с книгой своего отца Виктора Мерцалова «Логика антропогенеза». Эта полная достоинств книга написана с пафосом обличения невежества и идолопоклонства. Автор берется оценить «насколько общество вправе доверять собственным представлениям, насколько, так сказать, высок уровень его взрослости и разумности» [Мерцалов, 2008, 194], и обличает целые науки как основанные на ошибках, мифах, фантазиях и пустой оригинальности. Некоторые критические параграфы так и называются: миф о том, миф об этом. Среди прочего, книга содержит несколько фрагментов, посвященных языку. Они заинтересовали меня уже при первом прочтении, и мы много обсуждали их с Андреем (однажды даже в присутствии Джона Серла). В одном из них реконструируется развитие языка у младенца [Мерцалов, 2008, 156–161], в другом критикуется выражение «обмениваться мыслями» и создается теория смысла [Там же, 169–173], в третьем содержится опровержение семантики [Там же, 193–209]. Напрямую связаны с языком фрагменты про идеальное, сознание, орудийную деятельность. Мне непросто комментировать и даже излагать их, так как (я считаю это признаком хорошего философского качества) не просто уловить суть авторской аргументации. Подчас не ясно, как отличить довод от риторического хода. Ровным счетом все, что я могу понять в этих фрагментах, вызывает у меня вопросы и сомнения. Ниже я привожу результаты моих медитаций над этой книгой.

Общая картина такова. Ребенок начинает обучению языку тогда, когда не может взять вещь, которую он хочет. Тогда он начинает повторять слова взрослых и вскоре

убеждается в эффективности этой стратегии. Тут временно используется бихевиористская теория научения через подкрепления (меня учили, что эта теория применительно к обучению языку была полностью опровергнутая Хомским в середине прошлого века на основании недостаточности подкрепления и общей неспособости сторонников Скиннера объяснить т.н. «лексический взрыв», а то, что я позднее узнал из работ Пинкера и других лингвистов только укрепили это мнение) и идея полного подобия глоттогенеза и развития языковой компетенции у ребенка (ее разделяют отдельные лингвисты, такие как В.И. Абаев, но, насколько я понимаю, большинство не находят ее убедительной). Вот еще важная мысль: «<ребенок> вовсе не стремится овладеть словом и понять его. Он стремится завладеть вещью. Только она его и интересует» [Мерцалов, 2008, 170–171]. Последняя идея используется при объяснении творческого характера языка: ребенок должен сам изобрести язык, как и его далекие предки. Я не нашел обоснования этого тезиса, а между тем сам он выступает основанием излагаемой теории научения языку. Но почему не могло быть иначе? Мне легко представить очарованных окружающими их звуками первобытных людей, постепенно научающихся вплетать в тонкую сеть природной симфонии нити своих еще полувзвиринных голосов. Сидя у костра, эти дикари играли со звуками, пытаясь выразить что-то неясное, странное, едва уловимое, но прекрасное и почему-то тревожащее их грубые души. То же можно представить и относительно ребенка. Так в общем виде выглядит теория языка Руссо, и я не вижу логических преимуществ считать так, а не эдак, кроме того, что идеи несчастного Жан-Жака не выглядят сурово-научными. Но оставим Руссо. Нарисовав такую картину, автор переходит к критике семантики, ссылаясь при этом на Энгельса и определение денотата из «Философского энциклопедического словаря» 1983 года. Автор видит в семантике пережиток учения древних магов (любопытно, что семантики, вроде Карнапа, и философы языка, вроде Патнэма, тоже активно критикуют «магический взгляд на язык» и «магические теории референции»). Ниже я разберу это подробнее.

Завершая обзор, упомяну об одной текстологической странности. С одной стороны, на стр. 170 автор, ссылаясь на философа Спиркина, запрещает использовать выражения вроде «обмениваться мыслями», «обмен посредством слов и письма» (это не прямые цитаты) и т.д., с другой стороны, на стр. 196 слова «несут на себе субъективный мир образов», «позволяют связать субъективный мир одного человека с субъективным миром другого», слово

«несет известие об образе», «связывает мысль с мыслью» (а это уже цитаты). Нужно ли сделать вывод, что на 196 странице слова сказываются в переносном смысле?

Но тогда это как-то странно, учитывая авторское обещание ясности, строгости и однозначности.

Нам остается выяснить две вещи: каковы аргументы в пользу Б-теории и кого она критикует? Начнем с первого вопроса. Я не могу провести строгого опровержения Б-теории, так как не вижу главного аргумента, на котором она основана. Поэтому я вынужден отвечать сразу на все.

(1) Аргумент от происхождения языка. Язык, утверждает Б-теория, мог появиться только как пиджин. Б-теория рассказывает нам историю обретения языка кожевскими рабом и господином. Вот эта краткая сага о власти, насилии и управляемом ими сотрудничестве. Господин кричит рабу: «Уррр!» Раб понимает, что должен как-то действовать и приносит господину палку. Но предмет вождления господина не палка, а банан. Он избивает раба до полусмерти. Но в следующий раз, когда господин хочет свою палку, он кричит рабу «Уррр!», и раб приносит то, что нужно. Так, униженная воля раба дает ему доступ ко всеобщему — он делается хозяином значений. Все другие истории для Б-теоретика не убедительны.

Контраргумент от автономии. Первое: поскольку это лишь рациональная реконструкция с гегельянскими корнями и я не вижу фактов, на которые бы она опиралась, а значит это just so story, то я мог бы ограничиться одним словом: неубедительно. Сравните с вариантом Руссо, вкратце изложенным выше.

Второе: история чего-то никогда не есть теория чего-то. Рассел писал, что важно осознавать «различие между предпосылками, производными которых фактически является ваше знание, и предпосылками, из которых вы дедуцируете свое знание, если оно уже является полным» [Рассел, 2007, 124]. Первые являются субъективными, смутными и плохо формализуемыми. Даже если значение появилось в процессе коммуникации и Б-теоретики верно понимают этот процесс, то это не значит, что нам удалось описать природу значения. Сегодня для появления значения не нужна коммуникация, это может делать машина. Если у меня работает *modus ponens* и у машины он работает (тут даже необязательно признавать возможность сильного ИИ, что Б-теоретики делают [1, 145]), то нечто из моего сознания точно оказалось на ней реализовано. Значения вне коммуникации появляются и при чтении, и при письме и даже при мышлении, если верно говорят,

что оно есть беседа души с самой собой. Я согласен с тем, что писал Андрей в прошлом ФК: «в отсутствии интерпретатора, знаки вообще не имеют значения». Только я не согласен считать, что интерпретатором может быть только человек или иное нечто, обладающее продуктивным воображением. В этом смысле язык и логика обладают автономией. Даже если я первый, кто породил мысль, что $3+5=8$, $3+5=8$ не потому, что я это породил и для объяснения этого суждения не нужна психология.

(2) Аргумент «Какая книга?». Если мы считаем, что значением слова является предмет, то давайте проверим это. Каково значение слова «книга»? Томик Рассела слева от моей мышки? Или Гегель на полке? А может быть, это рукопись записной книжки Пирса, фотокопия которой хранится у меня на ноутбуке? Или «Государство» Платона, которое читает юный Кларк Кент в фильме Зака Снайдера? Сторонники Ф-теории в затруднении. Может быть, вы думаете, что это не вещь, а множество вещей? «Да, мы так думаем» — отвечают Ф-теоретики. Но множество — это абстракция, а абстракция всегда в голове. Значение слова «Венера» — не небесное тело, но представление в нашей голове. Ошибка семантики в том, что она «напрямую связывает слово с вещью, упуская из виду опосредующее звено этой связи — образ вещи» [Мерцалов 2008, 196]. Я попробую сформулировать этот аргумент еще более строго. Всякая вещь уникальна. Всякое значение неуникально. Следовательно, всякая вещь не есть значение. Перед нами правильный силлогизм. Думаю, это и есть главный аргумент Б-теоретиков. Возможно, Б-теоретики протестовали бы против такого изложения их учения на том основании, что образы-значения суть уникальны для каждого рационального агента. Но я имею в виду, что они неуникальны в значимом для коммуникации смысле, что они типичны. Если мысль о палке раба и мысль о палке господина не относятся к одному типу (т.е. они не типичны), то я не знаю, как бы мог работать закон тождества или как вообще было бы возможно хоть какое-то понимание. Вещи тоже могут быть типичными, но я тут рассматриваю их в отношении их счетности (так, одна палка отличается от другой, пусть и очень похожей на нее палки).

Контраргумент от контекстуальности. «Какая книга?» — популярный аргумент. Я встречал его у двух современных петербургских философов Е.С. Линькова и О.М. Ноговицына (в его последней книге). Но все же я думаю, что этот аргумент ошибочен, так как вторая посылка силлогизма ложна. Язык не дает нам всеобщно-

сти, нужной спекулятивным философам. Знаки «книга» и «стол», включенные в предложение «Эта книга лежит на столе», произнесенном в ситуации, когда книга «Логика антропогенеза» действительно лежит на моем столе, отличаются от знаков «книга» и «стол» в предложениях «не красна книга письмом, а красна умом» и «при онтологическом экспериментировании ни один стол не пострадал». Это можно объяснить двояко. Можно сказать, что у этих предложений разная логическая форма и в первом случае «книга» и «стол» есть индивидуальные константы, а во втором и третьем — нет. А можно сказать, что у этих предложений разные использования и употребления. Не важно, выберу ли я формальный или прагматический взгляд на язык — вторая посылка, а вместе с ней и весь силлогизм, будет ложным. Это, увы, не мое открытие, это прямое следствие из принципа контекстуальности Фреге, одной из основ логической семантики: значение знака определяется контекстом предложения, частью которого оно является, а значение молекулярного выражения есть функция значения составляющих его частей. Но если это верно, то почему мы все же считаем, что два вхождения знака «стол» имеют нечто общее, кроме своей графической формы? Общим тут будет референция. Если мы возьмемся объяснить шутку профессиональных философов (наш третий пример), то мы покажем на реальный стол, мой или какой-то еще. В момент указания знаки показывают свою референцию. Мы можем легко, как ясно из сказанного, «отключать» референцию. Это часто происходит в театре или при игре (см. [Фреге, 2008, 24]). Так, например, когда я играл в ролевые игры живого действия, я знал, что слово «меч» значит что-то вроде «допущенная к игре реплика древнего клинкового оружия, способная при правильном соприкосновении снимать у противника игровые очки жизни». В то же время, когда я прихожу в музей, я знаю, что предмет, который я там вижу, тоже называется «меч», но это совсем не реплика, и снимает он не игровые очки.

(3) Аргумент от пустотелости знака. Ф-теория гласит, что знак сам по себе содержит некую информацию. Это глупость. Если все люди умрут, то знаки ничего не будут значить.

Контраргумент от интерпетатора. Это довольно тонкое замечание, похожее на то, что Серл приводит против того, чтобы сознательный агент вместе с бумагой и Китайской комнатой могли бы образовывать нового сознательного агента. И все же он не работает в качестве аргумента

против Ф-теорий — и вот почему. Когда Ф-теоретики говорят о значении некой единицы языка, они имеют в виду уже сформированный и четко зафиксированный язык (ниже я покажу, что именно это они и имеют в виду), за которым стоят институты, консервирующие его развитие (словари, справочники, редакторы, корректоры и просто педанты). Кроме того, интерпретатор не должен быть рациональным агентом, что следует из контраргумента от автономии. Но все же верно, что, если все, что способно к интерпретации, умрет, то ни одного знака не будет. Но это не предмет возможного опыта.

(4) Аргумент от препятствия развитию науки. Если мы понимаем смысл знака как совокупность знаний и переживаний, ассоциируемых с называемым им предметом, то мы ничего не можем сказать о действительных свойствах этого предмета. И, пытаясь его познать, мы будем анализировать лишь собственные представления, а не его природу. Вместо этого нужна практика как критерий истины, нужно воздействовать на реальность, и мера успешности нашего воздействия будет мерой нашего смысла [Мерцалов, 2008, 197].

Контраргумент от прагматики. Первое: Странно использовать этот аргумент против семантики как раздела языкознания. Почему не применить его против синтаксиса? Ведь участь языку у старых грамматиков, мы тоже не учимся менять мир, ничего не узнаем о свойствах предмета, а только о мнении ученых о том, как устроен тот или иной язык, мнению, без которого носитель часто может быть успешен в коммуникации.

Второе: в языкознании есть прагматика, а в философии — прагматическая максима (лежащая в основе одной из ветвей семиотики) и теория речевых актов. Практика и «ответ» реальности включены в них.

Причина ошибки

Теперь перейдем к нашей второй задаче. Поиск врагов для Б-теории занятие непростое, а моя заметка и так превысила приемлемый для ФК объем. Прежде всего странно, что одни и те же аргументы Б-теоретики обращают и против философской, и против логической (формальной), и против лингвистической семантики. Семантика, которую изучают на филологическом факультете, включает

в себя лексикографию. Как составитель словаря должен определить, например, слово «постель»? Чем плохо, что это «место для сна с посланными на нем спальными принадлежностями; сами такие принадлежности», как утверждает словарь Ожегова? При чем тут образ в голове рационального реципиента или коммуникация? Существует также т.н. общая семантика А. Коржибского и его сторонников, которая является средством психологической и социальной терапии (ср. с разоблачением мифов). Представители этой семантики «воюют против “тирании” слов», используя разные научные теории, например, психоанализ, теорию Павлова, психиатрию, социологию, языкознание [Тондл, 1975, 13]. Но, может быть, у нас речь о философии?

Семинары с Артемом Юнусовым и Артемом Бесединым убедили меня, что теорий значения в современном смысле Античности и Нового время не знали. Правда, семантика на основе аристотелизма активно развивалась в Средние века. Так, латинский мир знал переводы «О душе» и «Об истолковании». Считалось, что слова есть знаки «претерпеваний в душе» (для их обозначения часто использовалось слово «intentio»), которые сами отражают вещи в мире. Звучит знакомо. Другой источник средневековой семантики — диалог «Об учителе» блаженного Августина. В прошлом ФК Иван Лапшин остроумно сравнивал его с теорией Витгенштейна, но нам здесь важно только то, что, выражаясь современным языком, функцией выбора предмета, который мы в данный момент именуем «человек», выступает наша intentio на этот предмет. Ведь так мы можем называть и статую, и фигурку, и друг друга, и людей прошлого, и вымышленных существ, и то, что «звучит гордо». Важно, что знак связан со значением (ясно, что это может быть и вещь, и мысль, и вообще все, что угодно, кроме самого знака «человек») мыслью, обладающей направленностью. А поскольку это не в физическом смысле векторная направленность, а смысловая направленность на что-то (мысль о чем-то), то мы и называем это «смысл».

Но это все предания старины глубокой. Мы же являемся наследниками логической и лингвистической революций второй половины XIX века. Отцами-основателями науки о знаках без колебаний можно назвать Пирса (внимательного читателя схоластов, кстати сказать), Фреге и Соссюра (в прошлом номере ФК Юлия Чугайнова дала любопытное разъяснение о разнице между теориями двух последних мужей).

Проще всего дело обстоит с автором «Курса общей лингвистики», ведь общеизвестно, что оба элемента знака

(означающее и означаемое), по Соссюру, не являются вещами в том смысле, который критикуется в Б-теории, а являются психическими феноменами.

Что касается Фреге, то тут нужно обратить внимание на один нюанс. Значение есть функция смысла имени, но смысл вовсе не есть только мое представление. Опытный корректор, такой как Андрей, легко может понять, что тут имеется в виду. Если какой-то недобросовестный автор пишет, например, что «вместо приветствий, президента встречают плакатами нелицеприятного содержания», корректор исправит эту фразу, так как слово «нелицеприятный» означает «беспристрастный», а вовсе не «неприятный», «критический». Корректор сделает это на основании словарного определения, а не своего мнения, представления или психического состояния. Примерно это и имеет в виду Фреге (с поправкой на то, что немецкий логик доверял не словарям, а миру объективных идей). Фреге руководим желанием разрешить проблему, которая теперь называется Frege's puzzle. Суть ее такова: $a=a$; $a=b$. В чем разница между этими суждениями? У меня может быть какое угодно представление об a и b — сегодня одно, завтра другое. Независимо от этого, a и b называют одно и то же (например, $a=374$, $b=1+373$). Но все же эти выражения отличаются, а именно — отличается способ, которым они представлены (все это легко выразить математически). Тут речь идет о формальных вещах, но то же самое работает, когда мы рассматриваем примеры познания, выраженные и на естественном языке (вспомните разговор короля и Вальтера Скотта). Это не значит, что невозможна ситуация, когда несколько человек сговорились о том, что если на страницах ФК появится выражение « $1+373$ », то они разом наденут розовые джинсы и отправятся на Красную площадь танцевать танец бобра. Просто тогда это уже будет иной знак, ведь изменился способ представления и, следовательно, изменилась референция. В анализе этой ситуации разница между Фреге (если бы он вздумал анализировать язык в его использовании) и Б-теоретиками будет чисто терминологическая. С другой стороны, я не вижу для Б-теоретика возможности дать формальный анализ языка, который бы объяснил а) что за образ скрывается за «374», «1», «+» и «=»; б) как один образ может быть операцией над другим образом; в) как образ может быть равен другому образу; г) как мы все же узнаем что-то новое.

Теперь скажем о Пирсе. Его теория знака, на мой взгляд, является самой сложной и разработанной из существующих, ее не суммировать в одном абзаце. Нам важны лишь некоторые аспекты. Начну с определений

signification и application (привет англоязычным любителям Витгенштейна), которое он дает в «Словаре философии и психологии» [Baldwin, 1902, 528–529]. Синонимичным этому слову Пирс считает немецкое Bedeutung, смежными — connotation, denotation, meaning и semantics. Вывалив на читателя этот ряд слов, Пирс со вздохом замечает, что тут в терминологии царит настоящая путаница, во многом устроенная Миллем и его последователями. Application некоего термина есть множество объектов, к которым он отсылает (refers), а его signification есть все качества, на которые он указывает (indicate). Последнее связано с реалистической (в средневековом смысле) теорией категорий Пирса (то есть качества реально существуют), устойчивой к аргументам Б-теории уже потому, что в ней ничего не говорится о номинализме и реализме. Для суждений application есть все случаи, в которых оно хорошо применяется, а signification — все его различные последствия. Далее Пирс различает несколько видов signification. Покажем некоторые из них на примере термина «Иммануил Кант». Здесь обязательным signification термина «Кант» будут качества объекта сознания, относительно которого согласились, что он так называется, а обыденным signification будет то, что для участника коммуникации само собой разумеется относительно Канта. После того, как задана обязательная signification, т.е. в нашем случае — Кант, человек и философ, он своими качествами начинает влиять на применение суждений, включающих этот термин, и их последствия. Любой, кто слышал, как в 2013 году в Ростове спор о философии Канта в очереди за пивом закончился стрельбой, понимает, о чем тут речь.

Итак, из Пирса нам важны три вещи: 1) отмеченная путаница в терминах, 2) обязательное значение есть объект сознания, 3) детали теории Пирса снабжены независимо подкрепленными посылками, которые не обсуждаются в Б-теории.

С появлением аналитической философии терминологическая путаница, порождаемая различиями национальных языков, школ и традиций, а также невнимательностью и исторической нечувствительностью, только усилилась. Фреге использовал название «Sinn» для объективного посредника и «Bedeutung» для обозначенной вещи. Рассел писал о «meaning» и «denotation». В классическом переводе Фреге, сделанном Максом Блэком, используются слова «sense» и «reference». В менее известном, но, кажется, более удачном переводе, выполненном Гербертом Фейглем, используются «sense» и латинское «nominatum», которое Фейгль заимствует из «Meaning and Necessity» Карнапа. Сэр Питер Стросон написал «On referring» во мно-

гом в пику «On denoting» Рассела. Витгенштейн сначала использовал слово «Bedeutung» для обозначения объекта, который можно называть (3.203–3.221), что переводят как «meaning» и Огден, и Пэрс с Макгинессом, а потом стал использовать «Bedeutung» в знаменитой формуле, происхождению которой мы обязаны переводу Энскоб: «meaning («Bedeutung») is use» (в самом тексте, правда, такой формулировки нет, но это стандартное изложение). Ситуация осложнилась еще больше, когда появились т.н. экстерналисты в философии языка (Крипке, Патнэм, Маркус, Каплан и др.), которые критиковали опосредованность языковых meanings психологическими состояниями индивида. Они доказывали, что meaning есть не состояние мозга, а вещь во внешнем мире. Уже тот факт, что это потребовалось специально доказывать, говорит о том, что Б-теоретики зря ругают Ф-теории за пренебрежение психологическим опосредованием знака. Можно было бы считать, что Б-теоретики атакуют только экстерналистов, но мне не известны их специальные аргументы против этой теории, а имеющиеся сами находятся под угрозой со стороны доводов Крипке и Патнэма.

Как мы видим, очень немногие сторонники Ф-теорий исключают психологические состояния из процесса означивания, а те, кто это делает, не рассматриваются в Б-теории и защищены от нее другими посылками. В чем же

дело? Андрей утверждает, что на философском факультете МГУ его всегда учили именно критикуемой им теории значения [Мерцалов, 2015, 41]. Время трясушимися руками открыть логическую библию — учебник «Введение в логику» профессоров В.А. Бочарова и В.И. Маркина, основу нашей логической культуры. На 44 стр. мы читаем: «знаком называется тот объект, который (в нормальном случае его употребления) для некоторого интерпретатора (субъекта) выступает в качестве представителя другого предмета». Предмет есть любой объект рассмотрения, а интерпретатором может быть человек, группа людей, все человечество. Очевидно, что между знаком и значением существует посредник, и это — рациональный агент.

Существует несколько аспектов Ф-теорий, которые не учитывает критика Б-теории. Их можно заметить, если внимательно читать примечания ко «Введению в математическую логику» Алонзо Черча, книгу, которая в переводе В.С. Чернявского и В.А. Успенского вошла в *common sense* отечественных логиков. Я специально называю имена переводчиков, так как мне нравятся многие принятые ими лексические решения. Первое, что нам важно: Черч полагает, что отношение называния есть трехместное отношение между некоторым языком, словом или предложением этого языка и называемой вещью. И только если язык уже считается фиксированным, это отношение можно считать бинарным. Второе: слово «вещь» означает «нечто, что может быть названо». В сумме это блокирует аргументы от происхождения языка и «какая книга». Третье: для фрегевского «Sinn» Черч выбирает «sense», указывая, что Рассел и другие авторы используют для того же самого слово «meaning».

Прежде, чем перейти к заключению, нужно сказать пару слов о переводе. Как и Александр Беликов, я считаю, что в работах второй половины XX века слово «meaning» нужно переводить как «содержание». Немецкое «Sinn» часто переводили как «meaning», потому что и то, и другое есть способ данности — то, каким образом знак связан с называемым предметом. И это именно объективное содержание (платоническое ли, как у Фреге, или социокультурное, как у Патнэма, — здесь не важно). В русском переводе Черча для «meaning» используется слово «содержание». Разве слово «значение», которым у нас переводят и «bedeutung», и «meaning», не путает? Я могу придумать такой контрдовод к переводу «meaning» как «содержание»: последнее у нас противоположно либо «форме», либо «объему», а это не те оттенки смысла, которые нам нужны. Но все же это путает меньше, чем имеющийся вариант. Возражение от семантической связи слова «содер-

жание» со словом «объем» можно снять, если посмотреть, как в нашей логической традиции понимается содержание: как признак, на основании которого обобщаются и выделяются предметы из универсума. А это именно то, что нам нужно для корректного перевода слова «meaning». Впрочем, я понимаю, что переводческие решения почти полностью конъюнктурны.

Я не утверждаю, что причиной ошибки Б-теоретиков были исключительно сложности перевода. Может быть, их обманули неаккуратные метафоры вроде «слова переносят значение», может быть, что-то еще. Но все же полагаю, что верное понимание эволюции логической терминологии поможет нам правильно истолковать Ф-теории.

Из всего вышесказанного нельзя сделать вывод, что в философии языка царит бардак. Погружая руку в гниющую плоть чудовища Фрегенштейна, я всегда могу ухватиться за его алмазиевые кости — проблемы, которые пытаются решить каждая конкретная теория. Вывод, который тут можно сделать, таков: легко совершить ошибку. Мы должны четко различать 1) референцию (связь слова с объектом) — с ней связано то, что, пользуясь словами Виктора Мерцалова, можно назвать умением распознавать вещи по их названиям, которое «проявляется в том, что в ответ на имя вещи, произнесенное взрослым, ребенок, даже не повторяя ее названия, находит соответствующую вещь взглядом или тянется к ней ручкой» [Мерцалов, 2008, 157] (правда, Б-теоретики не считают это умение достаточным для диагностирования сознания, но тут мне незачем спорить: я вообще не думаю, что сознание необходимо для того, чтобы был знак); и 2) интерпретанту знака, присущую рациональному агенту или чему-то еще. Если мы будем аккуратны с этим, то, кто знает, может быть мы однажды увидим естественный свет разума в глазах чудовища Фрегенштейна.

Бочаров В.А., Маркин В.И. Введение в логику: учебник. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФА-М, 2008.

Мерцалов А.В. Все наоборот // Финиковый компот. №9. 2015. С. 37-42.

Мерцалов В.Л. Логика антропогенеза. Происхождение человека еще не завершено. СПб.: Алетейя. 2008.

Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск: Сиб.унив.изд-во. 2007.

Тондл Л. Проблемы семантики. М.: Прогресс, 1975.

Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск: Сиб.унив.изд-во. 2008.